

Наследие

«Никогда, ни при каких обстоятельствах не падать духом»

Письма Н.В. Чижевской (Энгельгардт)

*Когда я уходил в безбрежность
По сожигающим пескам пустыни,
Ты принесла мне сердца нежность
И чистые духа святыни.*

*Вокруг неистовствовала геенна,
Огонь опалил ресницы и веки,
Ты одна — благословенна
В душе моей — отныне — навеки.*

*Изуродованный, ничего не вижу,
Не слышу и не понимаю;
Только чувствую: ты ближе и ближе.
Ты — весь мир мой до самого края.*

Эти пронзительные строки Александр Чижевский, выдающийся русский ученый, в один из отчаянных моментов жизни в ГУЛАГе посвятил Нине Энгельгардт, столетие со дня рождения которой те, кто ее помнит, отметили в 2003 году.

Чем же замечательна эта женщина?

Впервые я увидел Нину Вадимовну в мае 1964 года, когда они с Александром Леонидовичем пригласили меня для делового знакомства. Первое мое впечатление — в этом доме она полновластная хозяйка и полномочный представитель по всем делам своего супруга. Высокая, подвижная, чуть старомодная по внеш-

◀ Александр Леонидович и Нина Вадимовна Чижевские на Звездном бульваре.
Москва. 1963

ности, но совершенно современная по манере общения. Я в то время служил на Тихоокеанском флоте в санитарно-эпидемиологической лаборатории. Она забросала меня вопросами о бытѣ, живо интересовалась моей семьей и бытом, подробно расспрашивала об условиях научной работы. А условия эти, хотя и были далеки от совершенства, отличались свободой поиска и, как я потом понял, хорошей оснащенностью рабочих мест. «Мотором» в нашей беседе была Нина Вадимовна. Именно она выбирала темы для обсуждения и как бы разъясняла мне самое главное из того, о чем рассказывал Александр Леонидович. Я не знал, что Чижевские были в заключении и ссылке, не догадывался, что хозяин был смертельно болен... Я считал, что они безбедно и долго жили в Москве. И никто из них не намекал даже о их тяжелой, трагической судьбе.

А между тем Александр Леонидович и Нина Вадимовна стали супругами на карагандинской каторге, и всю дальнейшую жизнь она была его ангелом-хранителем, неутомимой помощницей во всех делах, замыслах и связях с внешним миром. Она перепечатывала его труды, содержала библиотеку и архив, вела обширную переписку, включая зарубежную. Откуда идет такая самоотверженная преданность, где источник такой силы и беспредельного мужества?

Конечно, многое значат корни. Смоленская ветвь Энгельгардтов дала России немало заметных деятелей. Прадед Нины Вадимовны Николай Федорович Энгельгардт (родился в 1799 году) командовал пехотной дивизией в Севастопольскую кампанию. Другой предок, Александр Николаевич (1832 — 1893), — сначала артиллерийский офицер, а затем знаменитый землевладелец. Его сыновья Михаил и Николай стали известными писателями. Шесть детей было у Вадима Платоновича Энгельгардта, члена Государственного совета от Смоленской губернии, и его жены Анны Михайловны (урожденной Мезенцевой). Дочь Нина родилась в родовом имении Климово 30 марта 1903 года. Три ее брата закончили Царскосельский лицей и стали гвардейскими офицерами. Игорь погиб на германском фронте в 1916 году. Борис был комендантом Таврического дворца. Юрий служил в Семеновском полку. Над постелью Нины Вадимовны в московской квартире на Звездном бульваре висел портрет любимой сестры, той, что, будучи на Перекопе на стороне врангелевцев, выносила раненых с поля боя. За что потом была арестована, пытана, расстреляна.

Саму Нину арестовали еще в юности и выслали на Соловки. Там, в «женском аду», она отбыла не менее пяти лет. Никому о пережитом подробно не рассказывала, вспоминала только об участии в самодеятельности как отдушине для мыслящего и чувствующего человека, неизвестно за какую вину определенного в СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения. Опыт выступлений на сцене помог и после освобождения: Нина стала актрисой в ансамбле под руководством Евгения Перешкольника. Он почувствовал особую симпатию к бывшей заключенной и предложил ей руку и сердце. Но не успела Нина войти во вкус семейной жизни, как ее снова арестовали. Теперь уже за шпионаж (!?) Жуткие, нечеловеческие испытания продолжались. Однажды, по ее рассказу, она тяжело заболела, обезвожила, потеряла сознание. Ее признали «конченной» и понесли в мертвецкую. От ночной прохлады и степного ветра пришла в себя и, увидев звезды, позвала на помощь. Носилки повернули к «слабосилке»¹. Чуть оживив, продали в рабство аборигенам за... ведро картошки. Больше за «женский скелет», как выразилась сама Чижевская, не давали. Нина Вадимовна с юмором описывала свои злоключения в рабстве. Спала в юрте на голой земле. Запомнила навсегда твердость выжженной почвы. Синяки и жуткие боли в спине и суставах. А днем на жаре нужно поливать бахчи. Придумала свой способ полива, облегчающий работу. Выжила. И всячески помогала выживать другим, прежде всего Александру Чижевскому, которого она знала с детства.

Здесь справедливо будет вспомнить и первую жену Чижевского, актрису Татьяну Сергеевну Толстую, которая в 1942 году провела множество дней у ворот челябинской тюрьмы, хлопотала о его освобождении и приносила передачи от своего скудного пайка. Именно благодаря ей и сохранился огромный довоенный архив Александра Леонидовича.

Заслуженный артист и драматург Ю.И. Голышев написал сценарий, и по нему поставили спектакль «Не верь, не бойся, не проси». Конечно, этот страшноватый в своей прямоте «моральный кодекс» отпугивает нормального человека, живущего в более-менее «человечном» мире. А по какой логике прикажете жить там, где человек (любой!) — не что иное, как «лагерная пыль»? Где все силы, воля и интеллект зека нацелены исключительно на биологическое выживание. И где, в конце концов, человек человеку — никакой не друг и не брат, где вера, как человеческая необхо-

¹ Место, где содержались обессилевшие заключенные, освобожденные от работы.

Н.В. Чижевская (Энгельгардт). 1960-е гг.

димось, уже неприложима к себе подобным. Их просить — бессмысленно, бояться — не стоит, а уж верить им — глупость непростительная. А.И. Солженицын в исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» с восхищением написал о невероятном подвиге профессора Чижевского: в одном из самых страшных сталинских лагерей ученому удалось устроить клиническую лабораторию и совершить ряд научных открытий. В стихотворении Чижевского «Плиний Старший» есть такие строки:

*Ты устоял пред бредом бездны черной,
Глядел в нее, не отвернув лица:
Познания Гений — истинный ученый
Был на посту до смертного конца.*

В начале XX века Чижевский написал посвященные К.Э. Циолковскому стихи:

*В любой стране он был бы академик
И лаврами его сияла б грудь;
У нас — предмет бессмысленных полемик.
Кто он? Что он? — Неразбериха, муть.*

*Одни его считают за провидца,
Другие издеваются над ним!
В России ввек постыдное творится,
Коль ты не вор, не раб, не подхалим.*

*Лишь суд истории — суд безымянный —
Вернет ему заслуженную честь.
Издравле жив у нас обычай странный:
Хвалить, что было, и хулить, что есть.*

К началу XXI века эти строки могли бы быть отнесены и к судьбе их автора. Еще до войны американцы, французы, бельгийцы, шведы предлагали Чижевскому продать им его патенты на изобретения. Он всем решительно отказал и безвозмездно передал все свои открытия Советскому правительству. А что же оно?..

*Не враг народа я, но враг убийц народа,
Чьи имена суть мрак пред именем свободы,
Чьи имена суть ночь пред светлым ликом дня,
О, могут ли они не обвинять меня?*

Открытие «Электрически обусловленная темно-структурная организованность движущейся крови» — беспримерный подвиг советского зека. Он ежедневно брал у себя самого кровь на пробы! При общем недоедании!!! Когда кончился лагерный срок, упросил оставить его еще на месяц. Где? В лагере! Солженицын утверждает, что ничего подобного в истории ГУЛАГа не было. Но вот восемь лет лагерей позади. Впереди — вожделенная ссылка. Пусть да-

Н.В. Чижевская (Энгельгардт) читает доклад на Чтениях памяти А.Л. Чижевского. Политехнический музей. Москва, 1969

же и бессрочная. Но «один день Александра Леонидовича» — 23 февраля 1950 года — оказался наполнен чрезвычайными событиями и вполне мог стать последним его днем.

*Все приму от этой жизни страшной —
Все насилья, муки, скорби, зло,
День сегодняшний, как день вчерашний, —
Скоротечной жизни помело.*

*Одного лишь принимать не стану —
За решеткою темницы — тьму,
И пока дышать не перестану,
Не приму неволи — не приму.*

События этого дня и легли в сюжет пьесы Юрия Гольшера. Сколько раз Нина Вадимовна спасала его, вспыльчивого и бескомпромиссного! Сколько раз на руках притаскивала его, теряющего сознание от истощения и потери крови, на кушетку в нише лаборатории, где за стеной беспрерывно кричал раковый больной — один из сотен тех несчастных, на которых в 49-м под Семипалатинском испытывали атомное оружие...

*Вокруг неистовствовала геенна,
Огонь опалил ресницы и веки...*

В 1948-м Чижевский разрабатывает особо прочный бетон. Для чего он, этот бетон, в лагере? Уж не для бункеров ли? Именно, для начальства. А уж, конечно, никак не для тех несчастных зек-ков, что попадали в «безвозвратные этапы» на семипалатинский полигон. В лагерной больнице оборудуется онкологический корпус и создается секретная лаборатория НКВД по проблемам лечения рака. У облученных регулярно берут кровь на анализ. Из Германии доставлен лучший рентгеновский аппарат. И это когда в самой Караганде нет ни одного! В «Спасский» свезены врачи самой высокой квалификации (все — заключенные). Даже с мировыми именами, например, профессор, директор московского института кардиологии АН СССР Колесников. А сам Чижевский — консультант баклаборатории по вопросам ионизации и ранней диагностики онкозаболеваний. Рядом с ним — Нина Вадимовна. Нет ли тут связи с тем, что обоим в конце жизни был поставлен страшный диагноз и они в конце концов, правда, с некоторой отсрочкой, разделили участь своих несчастных пациентов?

Какое перо нужно, чтобы описать все это!..

Известны случаи, когда знакомство с открытиями Чижевского, с его книгами и стихами резко меняло всю жизнь человека, наполняло ее новым

*Н.В. Чижевская (Энгельгардт) на открытии
памятной доски на доме А.Л. Чижевского.
Калуга, 1972*

содержанием. Будучи по натуре «пассионарием», Александр Леонидович легко создавал вокруг себя поле высочайшего интеллектуального напряжения, попавшие в которое очень быстро и радостно становились его соратниками. Об этом свидетельствуют люди, работавшие с ним в Москве, а потом в лагерях: в Ивделе, Кучино, Караганде. А.Л. Чижевский, несомненно, прекрасный образец для подражания, именно тот «образ положительного героя», без постижения которого невозможно обретение «национальной идеи», столь необходимой для нашей многострадальной родины.

Пьеса о его жизни заканчивалась словами: «Чижевский освобожден из ссылки в 1958 году. Дважды подавал на реабилитацию — оба раза получал отказы. Реабилитирован только в 60-м. Умер Александр Леонидович в 64-м в Москве в полной нищете, на руках Нины Вадимовны. Год его столетия — 1997-й — объявлен ЮНЕСКО «Годом Чижевского». Вопрос о его мемориальной доске мэрией Москвы до сих пор не решен».

Штрихи к портрету Нины Вадимовны дает Александра (Доля) Де-Лазари, ее подруга по Санкт-Петербургскому училищу ордена Святой Екатерины («Институту благородных девиц»).

«Жизнь требовала от Нины каждодневного мужества и жертвенности. Как она поддерживала тяжело болевшего перед смертью Александра Леонидовича! А какой удар обрушился чуть ли не в день его похорон: появилась мерзкая статья в партийном журнале. Нина сделала все, чтобы очистить от клеветы честное имя своего мужа, защитить его достоинство. Когда она осталась одна, все ее помыслы сосредоточились на том,

Н.В. Чижевская (Энгельгардт) на даче в Тарусе. 1970-е гг.

чтобы ни минуты не потерять попусту, все обратить на пользу Александру Леонидовичу. День и ночь печатала на машинке. А ведь Нина так любила людей, хотела чаще встречаться с ними. И огорчалась, что отнимает тем самым время от главного в своей жизни.

В любой ситуации она умудрялась разглядеть что-то хорошее. Умела отсеять то, что казалось ей чуждым. В их крошечной квартирке на Звездном бульваре, 12, в дни памяти Александра Леонидовича собирались интереснейшие люди, приходила молодежь. Никогда не допускалось никакой трепотни, тусовки, говоря сегодняшним языком. Все, что происходило и говорилось здесь, было серьезно. Никогда Нина не жаловалась на неудавшуюся, зря прошедшую жизнь. Общением с людьми, с природой, чтением стремилась восполнить то, что потеряла, когда не имела свободы. Я помню ее оптимисткой, такой, как и ее подруги. Вот поэтическое тому подтверждение — стихотворение нашей соученицы по Институту Е. Касаткиной-Чихачевой:

Моим подругам

*Там за окном легко танцует снег
И шепот вкрадчивый лукавой зимней вьюги...
А я зову “ушедшее навек”
И думаю о Вас, мои подруги!*

*Мерцает звездный блеск в морозной синей мгле,
И мне мерещится вдруг шелест пелеринок,
Камлота шорох, платьев жесткий плен
И мягкий скрип прюнелевых ботинок!*

*Во внешний мир захлопнутая дверь,
Мечты и сны в прохладных дортуарах
И радостный завет: “Ты в идеалы верь!”
У каждой девочки, легко шагнувшей “в парях”.*

*О, эти девочки с шнуровкой на спине,
С зачесанной назад и гладкою прической,
С передником у всех, всех по одной длине —
От пола ровно так идущую полоской!*

*Я вспоминаю Вас, и на душе тепло,
А в сердце боль и трепет сладко-острый
О том, что было и навек ушло, —
О Вас... мои подружки, мои сестры!*

*И вереница лет, и дней тех, и минут —
Далекой юности ушедшие картины —
Навеки в памяти! И мил мне Институт
Наш Ордена Святой Екатерины!»*

В.Г. Шиков, лечащий врач А.Л. Чижевского, вспоминает, что Нина Вадимовна была для Александра Леонидовича не только женой и другом, но и врачом, няней. Иногда она, не дожидаясь медперсонала, буквально несла его на руках из перевязочной в палату. Оба они были на редкость терпеливы и скромны.

После смерти Александра Леонидовича Нина Вадимовна сделала все, чтобы имя Чижевского не было забыто. Она была одним из организаторов чтений его памяти, проходивших регулярно в Москве с 1965 по 1976 год, на чтениях знакомила участников с содержанием архива А.Л. Чижевского, находившегося тогда у нее дома. Достаточно сказать, что все рукописи, неизданные труды Александра Леонидовича, все документы были ею скопированы. Она день и ночь печатала на машинке. Подготовила к изданию почти все рукописи мужа, перевела на русский язык его монографию «Эпидемии и электромагнитные пертурбации внешней среды», изданную в 1938 году в издательстве «Гиппократ» в Париже на французском языке. В.И. Безъязычный, составитель сборника стихотворений А.Л. Чижевского 1987 года, сообщал, что он составлен на основе обращения Нины Вадимовны к самым различным материалам (записные книжки с черновиками, разрозненные заметки и т.д.), это позволило уточнить некоторые тексты и особенно датировку.

Еще одно воспоминание. Рассказывает Галина Николаевна Подлужная, — добровольная помощница Нины Вадимовны в последние годы ее жизни. (Беседу с ней записала Татьяна Сергеева.)

«Мы ввалились к ней на Звездный бульвар всей лабораторией Института медико-биологических проблем осенью 1976 года. Помню, как поразила меня при первом посещении однокомнатная квартира: стены, заставленные самодельными стеллажами с книгами, вместо обоев — фотографии, рисунки, картины Александра Леонидовича. А еще большой письменный стол, железная кровать. В кухне — огромный шкаф — трансформатор для люстры-аэроионизатора.

Хозяйка дома с низким голосом, курившая, показалась мне несколько громоздкой, потом же я стала находить в Нине Вадимовне какую-то особенную статью. Собираясь на выступление, к примеру, в Политехнический музей (ездила она и в Калугу, Тамбов, даже до Караганды добралась), Нина Вадимовна критически пересматривала весьма скудный свой гардероб. На себя из мизерной пенсии она практически ничего не третила. К выбранному костюму прикалывалось единственное украшение — то ли японская, то ли китайская брошь с неким знаком, по-особому

дорогая Нине Вадимовне. Стоило ей подняться на сцену, взойти на кафедру, она преображалась, во всем ее облике являлась необычайная значительность, величественность даже. Она прекрасно владела материалом, излагала его убедительно, можно сказать, вдохновенно.

Как она радовалась, когда однажды летом сняла дачу в Прилуках на берегу Оки. Нина Вадимовна оказалась замечательной пловчихой, переплывала реку туда и обратно. С удовольствием ходила по грибы и ягоды, вспоминала, как детьми они помогали заготавливать лесные дары на зиму. Моментально подружилась с моей собакой. Очень любила жизнь! Хочу вспомнить НВЧ (наш пароль) в теплой компании на лоне природы, когда некая лихость, как свойство природы, проступала даже в ее внешности. Видели бы вы выдержавшую многолетние испытания шляпку, которая надевалась набекрень, носилась на весело поднятой голове с каким-то даже вызовом: смотрите, завидуйте! Помню, как Нина Вадимовна урезонивала нас, когда мы начинали роптать, что мало получаем. «Прекратите, — говорила она, — Вам хорошо живется. Плохо, что живете по стандарту, все-то у вас одинаковое — дома, мебель, одежда. Даже сережки, и те стандартные».

Вспоминать о том, как Нина Вадимовна умерла и что этому сопутствовало, слишком тяжело... Когда стало ясно, что жить остается считанные дни, Нина Вадимовна попросила Галину Николаевну приютить ее в семейном доме, которого она практически никогда не ощущала. Такой чисто человеческий запрос понятен каждому, и Галина Николаевна выполнила ее последнее желание, выделив отдельную комнату в своей «хрущевке». В большой семье. Спасибо этим Людям. Но нагрянули «друзья семьи» Чижевских. И увезли умирающую в перевозке в казенный дом, в небытие...

Ныне выставка работ Александра Леонидовича Чижевского размещается в музее-библиотеке Н.Ф. Федорова в Москве. Здесь же, на Профсоюзной, 92, под эгидой Международного института космоторчества А.Л. Чижевского отметили в феврале 2003 года его день рождения, а на следующий день в Музее Маяковского состоялся вечер поэзии Чижевского.

30 марта 2003 г., в сотый день рождения Нины Вадимовны, на Пятницкое кладбище, где похоронены супруги Чижевские, почтить память замечательной женщины пришли люди, близко знавшие Нину Вадимовну и Александра Леонидовича, и те, кто занимается изучением научного и творческого наследия великого ученого. Присутствовали заведующая научно-мемориальным и культурным центром А.Л. Чижевского при Государственном музее истории космонавтики имени К.Э. Циолковского в Калуге Людмила Тобальдовна Энгельгардт и правнучка Циолковского Елена Алексеевна Тимошенкова.

Потом состоялось посещение однокомнатной квартиры на Звездном бульваре, 12, корпус 1, где жили Чижевские. Александра Леонидовича и Нину Вадимовну до сих пор помнят жители дома.

Еще в 1989 году «Московская правда» выступила с призывом к столичным властям увековечить память великого ученого. Безответно. Прошел достаточный срок, чтобы отметить мемориальными досками московские адреса, связанные с жизнью Чижевских, восстановить историческую справедливость по отношению к отечественному ученому, которого уже в 1939 году в Нью-Йорке на международном конгрессе по биофизике и биологической космологии назвали «Леонардо да Винчи XX века». Вполне в духе нового столетия имя Нины Энгельгардт могло бы быть присвоено Институту благородных девиц, который существует в структуре одного из московских высших учебных заведений. Тем самым Россия воздаст долг памяти двум светлым и благородным личностям в ряду тех имен, по которым потомки станут судить о русском двадцатом столетии. Настала пора открыть в российской столице музей Чижевских. Где он будет находиться, не столь уж принципиально.

Предлагаем вниманию читателей журнала несколько писем Нины Вадимовны Чижевской, адресованных Ю.В. Александрову и автору этого очерка, в которых проступают ее характер, деловитость и научная обстановка того времени. Завершает подборку письмо Александра Леонидовича Чижевского Ю.В. Александрову от 16 марта 1964 года, написанное в последний год жизни.

В.Н. Ягодинский

Письма Н.В. Чижевской (Энгельгардт) Ю.В. Александрову и В.Н. Ягодинскому

3 мая 1964 г.

Глубокоуважаемый товарищ Александров!¹ Александр Леонидович болен, поэтому я пишу по его поручению. Извините, что обращаюсь к Вам не по имени и отчеству, но из-за болезни Ал. Л. не могу найти Ваше прошлое письмо, в котором указано Ваше имя и отчество.

А.Л. с большим интересом и удовольствием прочел Ваше письмо. Он болен уже в течение длительного времени, но все же будет очень рад встретиться с Виктором Николаевичем (Ягодинским. — *Ред.*).

Спешу сообщить Вам, что 18-го и 19-го мая с.г. в конференц-зале Института терапии АМН, Москва, Петроверигский переулок, 10 (проезд до остановки «Армянский переулок», недалеко от ул. Богдана Хмельницкого, Центр) состоится:

«Совещание метеорологической комиссии совместно с комиссиями биогеографии и медицинской географии филиала и лабораторией климато-патологии Института терапии АМН СССР по вопросу организации медико-биологических наблюдений в период международного года спокойного Солнца (МГСС)».

18-го мая с 15 часов.

1. Г.М. Данишевский² — Изучение влияния гелио-геофизических факторов на сердечно-сосудистую систему человека в период МГСС.

2. Н.С. Щербиновский³ — Влияние ритмической и циклической активности Солнца на органическую жизнь Земли.

19-го мая с 15 часов.

1. А.С. Пресман⁴ — Биологическое действие электромагнитных полей искусственного и естественного происхождения.

2. Р.Ф. Усманов⁵ — Планетарные вариации метеорологических и других геофизических полей. Одним из организаторов этого совещания является профессор Рустам Фатыхович Усманов. Если бы Виктор Николаевич мог к этому времени быть в Москве, то ему было бы небезынтересно побывать на этой конференции. Рустем Фатыхович обещал, что предоставит ему возможность выступить там с кратким сообщением.

Во всяком случае, если В.Н. сможет к этому времени быть в Москве, то на этом совещании ему надо обратиться к Р.Ф. Усманову, и все будет устроено, о чем уже есть договоренность. Если Вик. Ник. в это время не сможет приехать, то А.Л. просит его, если это возможно, заехать к нему в Москве по возвращении из Ленинграда, чтобы у него было больше времени для выздоровления. Но при всех обстоятельствах А.Л. просит Вик. Ник. зайти к нам. А.Л. будет очень рад ознакомиться с Вашей статьей и надеется, что ее удастся опубликовать в сборнике «Земля во Вселенной» вып. II (1965 г.). Первый том должен выйти в течение ближайших недель. А.Л. шлет Вам и Виктору Николаевичу сердечный привет и лучшие пожелания. В ожидании от Вас известий, с уважением

Н.В. Чижевская

15 января 1965 г.

Дорогие мои Юрий Витальевич и Виктор Николаевич,

С особым чувством отношусь к Вам обоим. Вы были со мной и так помогали мне в самые тяжелые минуты моей жизни. Это никогда не может быть забыто.

Не сердитесь, что так долго не писала Вам, но вся эта «темная история»⁶ совсем измотала меня. Все время надо куда-то ходить, что-то писать, с кем-то говорить. Оружие не складываю и держусь.

Собирается Комиссия по разбору — готовлю материалы. Говорила с юристом, написала в редакцию, жду ответа. Если что, то буду подавать в суд на этого мерзавца за клевету.

До сих пор еще не имела времени даже подумать обо всем случившемся. Очень жду и рада приезду Юрия Витальевича. Не сомневаюсь, что Вы сразу же приедете ко мне. Друзья меня не забывают, и я как-то совсем не бываю одна.

Как только немного схлынут все срочные дела и беготня, напишу поподробнее.

До скорой встречи, дорогой Юрий Витальевич⁷. Надеюсь, что в этом году и Виктор Нико-

¹ Юрий Витальевич Александров, начальник противозидемического отряда ВМФ — Советская Гавань.

² Григорий Моисеевич Данишевский, заведующий лабораторией климато-патологии Института терапии АМН СССР.

³ Николай Сергеевич Щербиновский, академик ВАСХНИЛ, занимался прогнозом нашествия саранчи по солнечным данным.

⁴ Александр Самуилович Пресман, автор теории магнитобиологии.

⁵ Рустам Фатыхович Усманов, начальник сектора спутниковых прогнозов Гидрометеоцентра СССР.

⁶ Имеется в виду статья Ерохина «Темные пятна» в журнале ЦК КПСС «Партийная жизнь», далее «ПЖ».

⁷ Ю.В. Александров действительно побывал в тот год в доме Чижевской и снял кинофильм, который показывал в Советской Гавани. Дальнейшая судьба фильма неизвестна.

Ю.В. Александров. 1960-е гг.

лаевич побывает в Москве. Спасибо Вам, дорогие. Искренний привет Вашим семьям и лучшие пожелания. Искренне любящая Вас —

Н. Чижевская.

15/1-65 Москва.

Наш настоящий адрес: Москва, И-75, Звездный бульвар, д. 12, корпус 1, кв. 8.

Декабрь 1965 г.

Дорогой мой друг Виктор Николаевич!

Что это за безобразие такие настроения. Никуда не годится. От совещания в Одессе⁸ я ничего не ждала, было ясно, что так получится... Скоро должен выйти рижский сборник. Что касается Одессы, то Подшибякин мне сказал, что <...> люди выступали довольно крепко. Что, конечно, никаких последствий это совещание не будет иметь, т.к., по-видимому, ничего не будет напечатано.

Теперь Вы понимаете, каким мужеством обладал Ал. Леон., чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не падать духом и упорно продвигать свои идеи, — и так много лет. Я следую его

примеру и все удачи и неудачи стараюсь принимать спокойно. Поэтому будьте стойки и продолжайте свои работы.

[Н. Чижевская]

10 марта 1965 г.

Дорогие мои друзья Юрий Витальевич и Виктор Николаевич.

Во-первых строках моего письма большое спасибо за Ваши письма и память и дружбу ко мне. Не ответила сразу — была нездорова. Да и загонялась совсем с делами.

1. По распоряжению ЦК и Академии наук была создана специальная Комиссия при Институте истории естествознания и техники АН СССР для разбора статьи, вообще научного значения работ А.Л. (Кажется, я Вам это уже писала).

2. Комиссия уже закончила свою работу и представила свои «Выводы» акад. Сисакяну. Редакция «Выводов» вполне удовлетворительная. Акад. Сисакян остался доволен и переслал все в ЦК. Теперь надо ждать результатов.

3. Редакция «П[артийной] Ж[изни]» получила больше писем. Выражение «разные» согласовано с председателем Комиссии, который мне это рассказал.

4. Редактор отдела журнала «ушел» на пенсию. Гл. редактор дрожит от злости при имени Ерохина.

5. Конечно, пока не будет официального решения, считаю дело не законченным.

6. Письма в редакцию продолжают поступать. Они этим очень довольны, поможет расправе с Ерохиным.

Вот пока и все по этому вопросу.

Большое спасибо, деньги получила.

Недавно приезжала Наташа⁹ и жила у меня. В отношении конференции в Риге есть некоторые изменения. Будет, вероятно, не конференция, а рабочее совещание и семинар.

Очень было бы хорошо, если бы Вы, дорогие друзья, смогли нам прислать фотографии — не графики, а именно фотографии, которые нам будут очень нужны для книги, которую мы сейчас с Ю.Г.¹⁰ заканчиваем. Она была начата еще Ю.Г. и Ал. Леон. Теперь приходится заканчивать без него. Фотографии нужны к главе о Ваших работах.

Что касается разногласий между Ю.Г. и Виктором (Ягодинским. — *Ред.*), то это все же мелочи, но меня они очень огорчают. Думаю и надеюсь, что все сгладится окончательно. Все мы друзья и все делаем общее дело.

⁸ Одесское совещание по гелиобиологии.

⁹ Наталья Петровна Цимахович, научный сотрудник Астрофизической обсерватории АН Латвии.

¹⁰ Юлия Григорьевна Шишина, врач-журналист.

Относительно работы для Пиккарди¹¹. Затрудняюсь что-либо сказать. Ал. Леон. [был] очень щепетилен в этом отношении и очень не любил «примазывать» (простите за такое грубое выражение, но никак не найду слова) свое имя к работе, которой он не делал, не только не любил, а просто никогда не делал этого. Он с удовольствием давал тему, идеи, помогал, насколько мог, в продвижении к печати, но очень бережно относился к авторам. Очень жду Вашу солнечную статью. Буду очень рада, когда Вы переберетесь сюда поближе. Уж тогда будем часто видеться и обо всем поговорим. Приезжайте скорее.

Если бы Вы знали, сколько потрясающе интересных рукописных материалов находится в архиве Ал. Леон. — по гриппу пять больших папок. В общем, еще раз повторяю, приезжайте скорее.

Сердечный привет и лучшие пожелания Вашим домашним. Надеюсь, что скоро смогу с ними тоже лично познакомиться. Искренне любящая Вас

[Н. Чижевская]
10/III — 65 г. Пишите.

Начало 1965 г.

Дорогой Юрий Витальевич!

Вы не должны быть обижены на меня за телеграмму и открытку. Вы должны понять, что в момент, когда так остро стоял вопрос об А.Л. и его обвиняли во всех смертных грехах, любая неточность могла вызвать новый взрыв всяческих гнусных обвинений. Ведь люди, подобные Ерохину, выискивают специально все, к чему можно было бы придраться. Вот что и испугало меня. Слишком много неприятностей и горя свалилось на мою голову, столько сил и энергии было затрачено на восстановление честного имени А.Л. Теперь все налажено. «П.Ж.» напечатала опровержение, признание в своей ошибке и выводы Комиссии.

А.Л. был представлен к Нобелевской, и присвоение ему этой премии было решено, но ввиду его отказа, видимо, решение было пересмотрено. Во всяком случае, у него нет никакого документа, подтверждающего присвоение, а значит можно говорить только о том, что он был представлен (он не нобелевский лауреат).

О том, что Т.Н. Щербиновская¹² написала в редакцию, я ничего не знала. Статья в «П.Ж.», конечно, откроет теперь дорогу многим рабо-

там по Солнцу и для опубликования работ не только А.Л., но и всем нашим друзьям.

[Н. Чижевская]

10 июля 1965 г.

Дорогие мои друзья,

Опять пришлось выдерживать бой. Эти недоды не успокоились и написали опровержение на решения Комиссии в ЦК. Опять закрутилась вся история. Теперь только они вскрыли имена, кто стоит за Ерохиным. Как я и предполагала, это Воробьев, Алпатов, Обросов¹³ и еще какой-то тип.

Снова заседала Комиссия в Институте истории естествознания. Снова я представляла документы. Теперь Комиссия написала большое заключение с приложением документов. Это заключение уже подписано академиками Кедровым, Париным, Кузиным, одобрено Сисакиным и т.д.

Тут уже поставлены все точки и подвергнуты убийственной, документированной критике злые и необоснованные выпады этих типов. Дело будет решаться в очень высокой инстанции.

Но мне все это стоило много сил и нервов. Но духом не падаю, держусь.

Теперь Вам понятно, что я просто не имела сил написать Вам.

Посылаю Вам статью в «Экон[омической] Жизни», она Вам пригодится.

Когда же Юрий Витальевич прибудет в Москву?

Пишите обязательно, как обстоят дела. Скорее приезжайте.

В январе В.П. Десятков¹⁴ по предложению Данишевского будет делать доклад в Москве. Мы с Юлией Григор. получили от него уже приглашение.

С книжкой Ю.Г. все обстоит благополучно. Леня¹⁵ улетел в Петропавловск-Камчатский и очень доволен.

Сердечно Вас обоих обнимаю,

[Н. Чижевская]

Октябрь 1965 г.

Дорогой Виктор Николаевич!

Я так закрутилась со всеми делами, что уже не соображаю, когда Вам писала и что писала.

Посылаю Вам Калужскую газету. Пожалуйста, напишите, получили ли Вы газету из Там-

¹¹ Джорджио Пиккарди, профессор Флорентийского университета, создал мониторинг влияния космических факторов на коллоидные системы.

¹² Татьяна Николаевна Щербиновская, дочь академика Н.С. Щербиновского, сотрудница АН СССР.

¹³ Воробьев, Алпатов, Обросов, врачи-гигиенисты и физиотерапевты, выступавшие с критикой аэронизации.

¹⁴ В.П. Десятков, врач из Томска, автор работы о динамике дорожных аварий.

¹⁵ Леонид Витальевич Голованов, в будущем наследник архива А.Л. Чижевского и вице-президент Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского.

бова и «Бауманец»¹⁶ со статьей Лени Голованова, которые я Вам уже давно посылала, но на которые еще не получила ответа.

Есть ли у Вас книжка Зигеля?¹⁷

P.S. Недавно в одном большом институте (п/я) была выставка картин Ал. Л. и вечер, посвященный его памяти. Народу было очень много, и все прошло очень хорошо.

Памятник Ал. Л. поставили 3/ X-65. Собрались на кладбище, а потом были все у меня.

[Н. Чижевская]

2 ноября 1965 г.

Дорогой Виктор Николаевич,

Как Ваше здоровье, как Вы себя чувствуете?

Только что у меня была Наташа¹⁸, мы с ней каждый день собирались Вам написать, но так закрутились с делами и столько у нас бывало народа, что так и не смогли выбрать минутку. Вот я и тороплюсь написать Вам теперь.

Вы опять замолчали, а уж про Юрия Витальевича я и не говорю, он исчез, как будто бы его никогда и не было. Но каждый волен поступать, как он хочет.

Я много работаю. Кое-что готовлю к печати, а это занимает много времени.

Состоятся ли Ваши доклады на медико-географической конференции? Наташа еще не знает, будет ли она в Ленинграде.

Сейчас она будет заниматься изданием тезисов, а затем и сборником докладов семинара. А там надо готовиться и к конференции.

Напишите толком, как Вы себя чувствуете.

Я болела — простуда и до сих пор еще не выхожу.

Пишите. Будьте здоровы, дорогой друг. Искренне преданная

[Н. Чижевская]

4 декабря 1965 г.

Милостивейший Государь,
что же это Вы не отвечаете на мое письмо... Пишу, чтобы поблагодарить за присланные книжки. Знаю, что Вы в Ленинграде познакомились с проф. Ив. Ив.

Елкиным. Ну, уж так и быть, сообщу Вам, что Вы оба ему понравились.

...У меня пока все без особых перемен. В Доме журналистов был доклад Зигеля об Ал. Леон. Народу было очень много. Доклад был очень хороший.

Пишите. Нехорошо забывать искренне относящуюся к Вам

Н. Чижевскую.

Октябрь 1966 г.

Дорогой Виктор Николаевич,

Не сердитесь, что давно не писала. Такие уж получились дела. Вот уже в течение месяца прохожу курс лечения в онкологическом институте у Веры Влад. Городиловой¹⁹.

Числа 25-го августа заканчивается курс облучения, затем две недели отдыха и примерно в середине сентября операция. Картина вполне ясная — ничего не поделаешь, но я спокойна, как будет — так и будет. Правда, последнее время здорово устаю, тошнит, всякие там гадости, а в общем ничего. Надо надеяться, что все это не запущено и все будет хорошо.

Получили ли Вы письмо от Феликс Юр. Зигеля. Он хотел Вам написать. Будет писать большую статью о солнечно-земных связях.

Вот, дорогой друг, и все мои дела. Пишите. Я всегда рада Вашим письмам. В Москве был Александр Сытин²⁰, мы с ним виделись. Дела у них в Новосибирске идут нормально. Сердечный привет. Искренне Ваша

[Н. Чижевская]

Вы отстали от жизни — с 21-го сентября (день операции) я не выкурила ни одной папиросы... Ну, вот и все мои новости. Будьте здоровы, мой друг.

Сердечно Ваша Н. Чижевская

29 октября 1966 г.

Дорогой Виктор,
что же это от Вас так давно нет никаких известий. Я уже дома, только два раза в неделю езжу на перевязки. Операция прошла удачно, понемножку разрабатываю руку. С нетерпением жду выхо-

¹⁶ Газета Высшего технического училища им. Н.Э. Баумана (ныне — МВТУ им. Н.Э. Баумана).

¹⁷ Феликс Юрьевич Зигель, астроном, преподаватель МАИ.

¹⁸ Н.П. Цимахович.

¹⁹ Вера Владимировна Городилова, сотрудник Московского научно-исследовательского онкологического института им. П.А. Герцена.

²⁰ Александр Григорьевич Сытин, сотрудник Института биологии Сибирского отделения АН СССР.

да сборника в Риге, на который прислана аннотация.

Закончились съемки фильма «Мы и Солнце». Вероятно в самое ближайшее время уже выйдет на экран.

Это письмо пишу Вам уже несколько дней. Начну, то разболится рука и ложусь, то кто-нибудь придет, а уж потом приходится ложиться. А вообще все идет нормально.

Пишите, дорогой друг.

Спасибо за все.

Искренне Ваша

[Н. Чижевская]

Лето 1967 г.

Дорогой Виктор Николаевич, спасибо за письмо...

В этом году я необыкновенно провожу лето. За все свои годы я никогда не имела возможности отдохнуть. В этом же году в мае две недели отдыхала в Харькове, где была чудесная летняя погода, и тем продлила себе лето. А сейчас с 4 июня живу в Тарусе. Я с приятельницей сняли дом (здесь это очень недорого) и пробудем здесь до 18 июля. Места изумительной красоты, сама ходила за грибами... скоро поспеет земляника. Купаемся в Оке. В общем — очень хорошо.

Моя приятельница ст. научн. сотр. Института Герцена, в сентябре защищает докторскую, а я все время нахожусь под неусыпным и внимательным надзором врача. 29-го Леня Гол[ованов] делал доклад в Центр. доме культуры мед. работников...

Комиссия по наследию А.Л. утверждена при МОИПе академиком А.Л. Яншиным²¹ — президентом Общества.

Вот и все мои дела. Пишите: г. Таруса Калужской обл. Пр. Кушкина. д. 44, Максимовым (для НВЧ). Будьте здоровы, дорогой друг. Привет Вашей жене. Марки все в сохранности в Москве. Сердечно Ваша *Чижевская*.

Март 1967 г.

Дорогой Виктор Николаевич...

Данишевский меня не удивил... На конференции 1963 года он прямо на заседании сказал: «Троцкий, Зиновьев, Чижевский...» Так что же от такого идиота можно ждать...

Вечер прошел очень хорошо... Народу было около 200 человек... Была здесь Ада Тимофеев-

В.Н. Ягодинский. 1953

на Платонова, несколько раз была у меня, обо всем с ней договорились, она произвела на меня очень хорошее впечатление.

Много работаю, готовлю к печати книгу по крови. В Тамбове, как Вы знаете из присланного Вам приглашения, проходит выставка, посвященная 70-летию А.Л. Вышло две статьи в тамбовских газетах... Потихонечку двигаем все дела.

Гранин²² все-таки добился встречи со мной. Должны еще раз встретиться, подумаю, что ему дать.

Устала порядком. С завтрашнего дня начну кое-что принимать, чтобы наладить кровь — немного понижены лейкоциты — 3700. Но это пустяки — все придет в норму.

А верно здорово, что бросила курить! Теперь даже друзья курят в моем присутствии и я к этому отношусь спокойно.

Дорогой друг, желаю Вам всего самого доброго. Больших успехов в делах.

Да, забыла написать. У меня был Гневышев²³... Сердечно Ваша

[Н. Чижевская]

²¹ Александр Леонидович Яншин (1911 — 1999), выдающийся ученый, геолог, советник Президиума РАН, Президент Российской экологической академии, почетный директор Института литосферы окраинных и внутренних морей РАН.

²² Даниил Александрович Гранин, писатель, автор книги о Тимофееве-Ресовском («Зубр»).

²³ Мстислав Николаевич Гневышев, директор Горной станции ГАО-Пулково.

7 декабря 1966 г.

Дорогой друг мой Виктор,
 Как же я могу быть в обиде или сердиться на Вас, когда Вы всегда так заботливы и внимательны ко мне. Просто закрутилась, все еще болит рука и это порядком надоело. Но с каждым днем мне все лучше и лучше.

Вышла книга Ф.Ю. Зигеля «Жизнь в Космосе», но вышла она в Минске, а потому достать ее в Москве нельзя. У Ф.Ю. очень мало экземпляров, он дал мне один с надписью всего. Пишу вам адрес: Из-во «Наука и техника». Минск. Ленинский проспект, д. 68. В этой книге целая глава об Александре Леонидовиче.

Кроме того вышел календарь на 1967 г. «Человек и стихия», там тоже статья Юл. Гр. [Шишиной] об Александре Леонидовиче. Я еще не достала этот календарь, т.к. он издан в Ленин-

граде, может быть Вам легче достать через Ленинград.

Получила письмо от Наташи, видимо сборник скоро выйдет.

Как Ваш переезд в Москву?

Все это время с кладбищем было тихо, а вчера мне позвонили из редакции «Красная Звезда» и просят приехать для переговоров по поводу письма Кочетковой²⁴ о могиле. Я сказала, что могу приехать не ранее будущей недели. Нет мне покоя на этой земле.

Спасибо за присланную рецензию на работу Рывкина²⁵.

Вот, дорогой друг, и все мои новости.

От «Юрочки» получила поздравление с неясным обратным адресом, по-видимому, Ленинград, но это уже давно.

Будьте здоровы, дорогой. Сердечно Ваша

[Н. Чижевская]

А.Л. Чижевский — Ю.В. Александрову

16 марта 1964 г.

Уважаемый Юрий Витальевич!

Несколько дней назад я послал Вам книжку «Солнце и мы», а теперь посылаю таблицы солнечной деятельности: месячные данные и годовые числа Вольфа с 1937 по 1962 гг. и годовые числа Вольфа с 1900 по 1935 гг. Это все то, что было у меня под руками. Если Вам этого будет недостаточно, сообщите, и я в библиотеке выпишу необходимые данные.

Пока что рекомендую Вам прибегнуть к простому сопоставлению частоты заболеваний или эпидемической статистики с числами Вольфа, которые отражают величину активности циклической деятельности Солнца. По данным таблицам можно построить кривые солнечной деятельности по годам с 1900 по 1962 г. (нет только данных за 1936 г.) и кривые по месяцам с 1937 по 1962. Если у Вас нет длительных данных по годам или месяцам, то можно месяцы или годы всплеск указанных Вами эпидемий нанести на кривые солнечной деятельности черными точками. Эти точки удобнее всего наносить по оси абсцисс. Если же имеется сплошная кривая эпидемических заболеваний за много лет (20-30 лет), следует построить кривую этих эпидемий и сопоставить (год

в год) с данными солнечной деятельности. Возможно, что будут некоторые отклонения, важно то, чтобы либо максимумы, либо минимумы в солнечной деятельности совпали. (Некоторые эпидемии показывают обратную зависимость).

В самое ближайшее время (конец марта с.г.) выйдет из печати сборник статей «Земля во Вселенной», издательство «Мысль» (бывш. Географгиз). Москва, Ленинский проспект, 15. В этом сборнике Вы найдете мои статьи, посвященные этому вопросу. Однако, вопросами периодичности клещевого энцефалита, клещевого риккетсиоза и геморрагического нефрозо-нефрита я не занимался. Ваше слово здесь будет первым.

Сейчас готовится к печати сборник статей «Космическое естествознание», в редакционной коллегии которого состою и я. Поэтому, если у Вас намечаются какие-либо соотношения циклической деятельности Солнца с упомянутыми эпидемиями, прошу Вас прислать мне Вашу статью для опубликования в данном сборнике.

От души желаю Вам успеха в работе. Шлю привет Виктору Николаевичу Ягодинскому.

С искренним приветом.

А.Л. Чижевский

Публикация и примечания
 В.Н. Ягодинского

²⁴ Кочеткова, женщина, претендовавшая на место, где был захоронен А.Л. Чижевский.

²⁵ Борис Александрович Рывкин, врач-терапевт из Ленинграда.

Н.В. Чижевская. Конец 1970-х гг.